

Рассказы о блокадном детстве*

Р. М. Арбинская

«КОРМИЛИЦА»

Пришла весна 1942 года, которая сменила жестокую холодную и голодную зиму, унесшую с собой сотни тысяч ленинградцев. На небе чаще светило теплое весеннее солнце, вызывая к жизни нашу северную природу, которая старалась помочь людям выжить – появилась съедобная трава, молодая крапива, из которой люди варили щи, позже выросла лебеда, из нее мама пекла лепешки.

На совхозных полях начались сезонные работы, и требовались рабочие. Мама с помощью Военкома Выборгского района устроилась на работу «возницей», в обязанности которой входило управлять лошадью и доставлять «обед» работающим на полях. Моя мама родилась и до 20 лет жила в деревне (недалеко от г. Невеля) и умела делать любую сельскохозяйственную работу, даже управлять лошаадьми. За работу маме платили супом (без нормы) и порцией пшенной каши, причем без выреза талонов из наших продовольственных карточек. Мама брала меня с собой на поля; в мою задачу входило вырезать талоны на крупу из карточек рабочих. Обед рабочих состоял из порции жидкого супа (из пшена) и 300 г хлеба.

Каждый день в течение месяца наша истощенная голодом лошадка доставляла рабочим – женщинам, которые высаживали капустную рассаду, обед, состоящий из двух бидонов (неполных) супа и пяти буханок хлеба на всех, которые разрезались на куски и взвешивались с аптечной точностью на весах (выверенных заранее) самими рабочими, выбранными для этой цели. Мама разливала суп – один черпак на человека, а я вырезала талоны на хлеб и на крупу из продовольственных карточек рабочих.

Так было положено начало моей трудовой деятельности в двенадцать лет.

Когда мы подъезжали к полям, нас уже ждали рабочие, женщины,

худые, с опухшими от голода лицами, на которых не было видно глаз – одни щели, и от этого они казались мне очень похожими друг на друга, все на одно лицо.

Бидоны освобождались молниеносно, многие просили «добавки», заставляя маму переворачивать бидоны вверх дном, а наша лошадка была слишком слаба, чтобы досыта накормить голодных людей.

Однажды мама упросила шефповара (молодую женщину) добавить в бидоны немного супа на «добавку».

Мы везли на поля почти полные бидоны и радовались тому, что сможем «досыта» накормить рабочих, хотя слово «досыта» было в ту пору забыто надолго.

Ночью, вероятно, прошел дождь, потому что дорога была грязная и скользкая. Лошадка шла медленно, словно предчувствовала беду, которая не задержалась и настигла нас в самом начале пути. Заднее колесо телеги, которую лошадка тащила изо всех сил, вдруг увязло в грязи, и лошадка, сделав одно усилие, остановилась.

Мы тщетно старались ей помочь, умоляли ее пойти вперед, но она, опустив голову, тяжело дышала. Мама, зная характер этих животных – трудяг и помощников человека в то нелегкое время, вероятно, поняла, что лошадка плохо покормили и ей было тяжело тащить телегу с бидонами, в которых были «желанные добавки» супа.

Мама нарвала большой пучок травы на обочине дороги, освободила лошадку от уздечки и дала ей траву. Лошадка ела траву неохотно, как мне показалось. Наверное, она «понимала», что на полях ее с нетерпением ждут люди, измученные голодом и тяжелой работой. Она вдруг без окриков и понуканий, сделав усилие, повезла телегу по знакомой ей нелегкой и грязной дороге. Мы прибыли на поля с большим опозданием, но никто

из женщин не роптал, напротив, с жадностью съев свой обед, они уходили на поля, рвали там свежую траву и возвращались обратно, чтобы накормить лошадку. А та уже с большим аппетитом жевала траву; кто-то из женщин принес ей полведра чистой воды, а те, кто подходили к лошадке, непременно гладили ее гриву, приговаривая: «Ешь, ешь, наша кормилица».

ПАРК «СОСНОВКА» В СОРОКОВЫЕ, БОЕВЫЕ...

До войны моя семья жила на Костромском проспекте (Удельная), недалеко от парка «Сосновка», который тогда представлял собой обычный лес, где наши соседи собирали грибы и ягоды.

Когда началась война в парке обосновалась эскадрилья истребительного авиационного полка Ленинградского фронта. Командиром эскадрильи был незаурядный человек, прошедший Советско-финскую войну 1939–1940 годов. В 1941 году до середины октября он совершил 366 боевых вылетов, участвовал в 72 воздушных боях, сбил 19 вражеских самолетов (и еще пять – в групповом бою).

Имя этого бесстрашного человека – Лихолетов Петр Яковлевич. Он умер от ран в середине июля 1945 года, когда уже в стране праздновали победу; ему было всего 28 лет. За четыре военных года П. Я. Лихолетов был удостоен четырех высших наград: ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени. Он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Похоронен боевой командир на том месте, где располагалась эскадрилья, в парке «Сосновка» вместе со своими боевыми товарищами. На воинском кладбище находится братская могила офицеров – летчиков, которые погибли в воздушных боях 1943 года.

Примерно двадцать могил представляют захоронения 1942 года – самого страшного года блокады

* Окончание. Начало в № 6 (64), 2011, № 1 (65), 2012.

Памятник летчикам, погибшим в воздушных боях, защищая ленинградское небо в 1941–1945 гг.

(особенно январь), когда умирали не только жители Ленинграда (5–7 тысяч каждый день!), но и воины Ленинградского фронта. Большинство захоронений относится к 1943 году, когда Ленинградский и Волховский фронты совместно начали освобождать город от блокады. В этом году эскадрилья понесла наибольшие потери, особенно в офицерском составе; об этом напоминает братская могила, хранящая останки боевых офицеров:

1) Героя Советского Союза, гвардии майора А. П. Савушкина, погибшего в воздушном бою в 1943 году в возрасте 24 лет;

2) Гвардии капитана Д. П. Евстигнеева (погиб в 1943 году в возрасте 26 лет);

3) Гвардии старшего лейтенанта В. С. Богомолова (погиб в 1943 году в возрасте 24 лет);

4) Гвардии лейтенанта Ф. П. Самсоненко (погиб в 1943 году в возрасте 25 лет);

5) Гвардии младшего лейтенанта А. С. Иванова (погиб в 1943 году в возрасте 29 лет);

6) Гвардии младшего лейтенанта А. А. Козлова (погиб в 1943 году в возрасте 21 года);

7) младшего лейтенанта Е. И. Некрасова (погибшего в 1943 году в возрасте 22 лет).

Старшему из офицеров, летчику-истребителю подполковнику Соколу был всего 31 год. Он похоронен рядом с братской могилой. На его могиле установлен довольно

внушительный памятник (от жены и детей). Остальные захоронения относятся к 1941 году, 1944 году и даже к 1945 году. Кроме могилы командира эскадрильи есть еще одна, где покоится прах молодого летчика (погиб смертью храбрых в 1945 году) – Шамгина Н. А. Ему было всего 19 лет.

В 1947 году моя одноклассница, которая жила на Лагерной улице рядом с парком «Сосновка», прослышала о том, что летчики, которые еще оставались в парке, предлагали «катание» на самолете за небольшую денежную плату.

Однажды мы отправились в Сосновку, предвкушая радость полета, но «катание» не состоялось – к этому времени самолеты покинули свои ангары.

Разочарованные неудачей, мы пошли вдоль взлетно-посадочного поля, с которого в течение более четырех лет взлетали летчики боевой эскадрильи по сигналу воздушной тревоги на защиту ленинградского неба, но немногие возвращались живыми. Чтобы сократить путь до дома, мы свернули в лес, где не было дорог; приходилось обходить траншеи, воронки от снарядов и бомб. Неожиданно мы натолкнулись на воинское захоронение летчиков. Тогда могилы представляли собой песчаные холмики с табличками, на которых указывались фамилии, имена и отчества (или инициалы), звания, даты рождения и смерти. Возле крайних могил слева стояла уже

немолодая женщина, которая сажала цветы. Женщина рассказала нам о том, что в этих крайних двух могилах покоятся останки ее «квартирантов» – двух молодых курсантов, которые, не успев закончить авиационное училище, пришли в эскадрилью защищать город. Одного из них звали Владимиром, другого Анатолием.

Деревянный дом, где «квартировали» летчики, стоял на Ильинской улице (ныне Гаврская улица), которая упиралась в Парголовский проспект (сейчас это проспект Мориса Тореза), идущий вдоль парка «Сосновка».

В этом доме летчики отдыхали после боевых вылетов. Оба «квартиранта» погибли в 1943 году.

Обстоятельства моей жизни сложились так, что я лишь много лет спустя смогла снова прийти к могилам – я волею судьбы поселилась именно на Гаврской улице (Ильинской) в кооперативном доме. На кладбище вместо холмиков стояли рядами раковины с надгробными надписями и фотографиями. Уже были установлены три памятника. На расстоянии от захоронений был установлен памятник всем летчикам, погибшим во время войны 1941–1945 годов. Сейчас здесь ежегодно проводят митинги 9 мая, посвященные Дню Победы. Здесь всегда много народу и море цветов.

Однако приходится, к сожалению, констатировать, что уход за могилами оставляет желать лучшего. Так, многие из могил не имеют фотографий, отсутствуют звания, нет инициалов, даже нет фамилий (две могилы) – все это оставляет удручающее впечатление. Хотелось бы надеяться, что в нашем обществе, которое, к счастью, не все охвачено болезнью – равнодушием, найдутся организации или добровольцы, которые полностью восстановят фамилию, имя, отчество, звание, год рождения и смерти каждого погибшего летчика. Страна должна знать своих героев, должна помнить имена тех, кто отдал свою молодую жизнь за то, чтобы существующее и последующие поколения никогда не узнали, что такое война и что такое жертвы.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

После освобождения Ленинграда от вражеской блокады началось восстановление разрушенных зданий. В первую очередь необ-

ходимо было возродить объекты стратегического, экономического и культурного значения. Разрушений было довольно много; особенно пострадали великолепные дворцы Павловска, Петергофа, Пушкина и других городов-музеев. Глядя сейчас на великолепный Екатерининский дворец, трудно себе представить, что к концу пребывания фашистов в городе Пушкина от дворца оставались только груды камней. Сначала дворец был превращен фашистами в конюшни, ценнейшие произведения мирового искусства были разграблены и увезены в Германию, а знаменитая янтарная комната, которую фашисты вывезли целиком, была совсем недавно полностью восстановлена. Отступая под натиском наших войск Ленинградского фронта, фашисты взорвали дворец.

Жилые дома восстанавливались и реставрировались, главным образом, в центре города, на окраинах же гражданское строительство было широко развернуто лишь в самом конце сороковых и начале пятидесятых годов. В эти годы я еще училась в школе (школа № 118 на проспекте Энгельса) и часто, идя в школу по Ярославскому проспекту, где я жила с мамой и сестрой в общежитии школы № 96, видела пустынные, грустные улицы, на которых не было домов – их снесли весной 1942 года на дрова. Однако уже в начале 50-х годов кое-где на них стали появляться опрятные каменные желтые домики – коттеджи; их строили военнопленные.

Каждое утро пленных привозили на грузовиках под охраной на стройплощадки и увозили только под вечер. Внешний вид военнопленных был довольно жалкий: серые, хмурые лица, грязные, изрядно изношенные шинели; они редко вступали в разговоры с населением, вероятно, им это запрещалось. Однако вездесущие мальчишки часто бегали на стройку, носили пленным вареную картошку «в мундире», слушали, как один из пленных во время редких перерывов на отдых играл на губной гармошке. Я, у которой были еще свежи воспоминания о блокаде, относилась к этим «отношениям» ребят с пленными отрицательно; для меня эти пленные оставались фашистами. Однажды, возвращаясь из школы, я встретила соседку по дому, в котором прошли самые страшные блокадные месяцы. Это была тетя Шура Буренкова, уже немолодая женщина, сын которой пропал на фронте, а муж вернулся с фронта инвалидом. Мы разговаривали недолго, разговор наш был прерван криком со стороны стройки. Оглянувшись, мы увидели, что один из пленных махал нам рукой и кричал: «Я чех, я есть чех». Тетя Шура, помедлив немного, вытащила из сумки хлеб, который тогда еще выдавался по карточкам, и направилась к пленным, я пошла за ней.

Подойдя к пленным, я увидела, что их было трое: один из них называл себя чехом, другой – поляком, а третий сидел молча и смотрел на происходящее каким-то грустным,

отсутствующим взглядом. Он поблагодарил тетю Шуру за хлеб (который она поровну разделила на три части) сначала на немецком языке, а затем на ломаном русском. Отдав хлеб, моя собеседница взяла у меня свою опустевшую сумку, и мы направились к дороге. Пройдя несколько метров, я оглянулась: двое пленных с жадностью доедали хлеб, а третий, все еще держа подаренный ему кусок хлеба, провожал нас тем же грустным взглядом. Мне довелось еще раз встретиться с тетей Шурой на том же Ярославском проспекте. Я напомнила ей этот эпизод с пленными и выразила свое недоумение по поводу ее тогдашнего поступка. Тетя Шура молча выслушала меня и сказала, что, возможно, ее сын тоже где-то в плену голодает, затем, помолчав минуту, добавила: «Запомни, девочка, войны развязывают политики, а солдаты воюют – одни, защищая свою родину, другие – по приказу правителей». Эти слова я привожу почти дословно, и конечно, теперь, вспоминая слова моей соседки по несчастью спустя полвека, я не могу не согласиться с ней.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Возвращение из эвакуации было для меня и моей семьи еще одной пыткой, которую пришлось пережить нам после блокадных, самых трудных 1941 и 1942 годов. Однако желание вернуться в родной город заслоняло собой в нашем сознании все трудности и невзгоды, которые пришлось испытать на «чужбине». Моя старшая сестра, которой в 1943 году едва исполнилось 17 лет, была завербована на военный завод в город Новосибирск, мама с утра до вечера работала в совхозе, а я вместе с младшей сестрой занималась домашним хозяйством, пряла на прялке шерсть и вязала носки и варежки на зиму, которая приходила к нам всегда морозная с сильными бурями. В школе занятия не проводились – там жили эвакуированные, а те эпизодические занятия, которые были организованы для детей эвакуированных, происходили одновременно с первым по четвертый класс в клубе, да и преподавателями были девушки, которые едва успели закончить среднюю школу перед войной. Летом мне тоже приходилось работать на сенокосе, хотя

Дом, построенный военнопленными в конце 1940-х – начале 1950-х годов на Ярославском проспекте

Митрофан Иванович Барканов (1900–1972). Участник Великой Отечественной войны, инвалид II группы

в 1943 году мне еще было двенадцать с половиной лет. Нас, подростков, заставляли подвозить копны сена к месту, где их укладывали в стога. Укладкой копен и вершением стогов занимались взрослые женщины и старики.

В совхозе лошадей не было, они все были на фронте, быки использовались на покосе, поэтому нам приходилось работать только с коровами, которые специально отбирались в совхозе в качестве рабочей тяговой силы. Корове надевали хомут, с одной стороны которого была привязана веревка (канат), второй конец закреплялся с другой стороны хомута. Наша задача заключалась в том, чтобы обвести корову вокруг копны, закрепить конец веревки на хомуте, стать обеими ногами на веревку позади копны так, чтобы не дать веревке соскользнуть с копны, и хворостиной дать корове команду идти вперед. Во время движения канат-веревка охватывал копну, и корова могла дотащить копну вместе с «седоком» до стога. Для нас, подростков, эта работа была и тяжелой, и опасной. Один случай, который произошел со мной, чуть не стоил мне жизни. Однажды в очень жаркий летний день, когда было трудно работать не только людям, но и животным (особенно рогатому скоту, страдавшему от укусов слепней и оводов), корова, с которой я работала, вдруг

подпрыгнула и вместе с копной понесла меня с бешеной скоростью в сторону леса, чтобы как-то «унять» страшный зуд, вызванный укусами слепней. Необходимо заметить, что леса в тех краях – особенные, их называют «карликовыми», потому что деревья в лесу не поднимаются в своем росте выше пяти метров. Леса эти не вырубают, берегут, поскольку они в тех краях (знаменитые Барабинские степи) – довольно редки. К моему счастью, корова, попав в лесную тень, остановилась, а подбежавшие ребята освободили мои ноги от каната. Трудно сказать, какой «финиш» ждал бы меня в этой дикой «гонке» с коровой.

Осенью 1943 года, после долгих и упорных хлопот мамы нам удалось перебраться из далекой глубинки в город Барабинск (узловая станция под Новосибирском), где за незначительную плату нас приютила пожилая женщина. Местные власти помогли маме устроиться на работу в железнодорожную столовую уборщицей и судомойкой. За работу мама получала деньги, была сыта и приносила еду нам, детям, и хозяйке дома. Мне тоже пришлось работать – я должна была добывать топливо для обогрева старого дома, в котором мы жили.

Мне приходилось ходить на станцию, лазать по вагонам и под вагонами, собирая остатки угля или угольной пыли. Следует заметить, что за собранный уголь наказывали:

Прасковья Ивановна Багрова (1895–1989)

отбирали все, что было собрано, а родителей штрафовали. К тому же большой риск – быть увезенной в неизвестном направлении в пустом вагоне.

Однако все трудности были сразу забыты, когда мы, наконец, получили разрешение (в начале ноября 1944 года) на въезд в Ленинградскую область, так как въезд в Ленинград был запрещен. Впереди нас ждала радость встречи с родными и любимым городом, которую трудно даже представить, не только описать, особенно после долгой разлуки.

Разрешение вернуться домой мы получили благодаря долгим и упорным хлопотам моего дяди (маминого брата) Митрофана Ивановича Барканова, вернувшегося с фронта в 1943 году после тяжелого ранения в голову. Но в разрешении была весьма существенная оговорка – «прописка и проживание разрешается только в Ленинградской области». Это строгое «указание» нас не огорчало – ведь мы ехали домой! – хотя мы точно знали, что дом, из которого мы были эвакуированы, снесен на дрова. Мы также знали, что в Ленинграде живут наши родственники и бывшие соседи, с которыми мы делили горькую участь «блокадников». Они-то и приютили нас, бездомных, поделились с нами кровом и хлебом, который тогда еще выдавали по карточкам.

Местное начальство отказалось прописывать нас в городе и тем более предоставлять нам жилье, утраченное нами не по нашей вине.

Благодаря нашим бывшим соседям маме удалось устроиться в школу на работу уборщицей. Директор этой школы (она находится на Ярославском проспекте) Иосиф Васильевич – бывший фронтовик – вернулся в Ленинград после ранения. Он, узнав о нашей беде, взял маму на работу, предоставив ей комнату с окном (бывшая кладовая), и выхлопотал прописку нам троим в городе, что означало получение продовольственных карточек, а значит, продолжение жизни в городе: постоянная работа для мамы, а нам – продолжение учебы в школе. До этого мама в течение месяца жила у своей старшей сестры Прасковьи Ивановны Багровой в ее десятиметровой комнате, сестра делила с ней свой рабочий паек хлеба.

В этой маленькой комнате (шесть квадратных метров) мы прожили втроем 13 лет! За это время я закончила школу, поступила в университет (филфак), по окончании которого получила высшее образование и возможность заниматься педагогической деятельностью и наукой.

ВСТРЕЧА С ДАВНИМ ДРУГОМ

Шел октябрь 1941 года. Фашисты окружили город плотным кольцом – началась блокада. Атака вражеских бомбардировщиков повторялась несколько раз в день, и мы, жители восьмиквартирного деревянного барака, едва успевали добежать до землянок – единственного укрытия для детей и взрослых, наскоро вырытых нашими отцами, которые уходили на фронт, а некоторые – навсегда. В перерывах между бомбежками мы, дети, играли во дворе под строгим надзором бабушек. Я любила заниматься лепкой зверей, людей – героев моего воображаемого кукольного театра – и собирала желуди под ветками дуба, стоявшего рядом с домом.

Однажды во время очередного короткого затишья я собрала в коробку из-под обуви самые крупные плоды и принесла их домой к большому неудовольствию моей мамы, которая назвала их «лишним мусором» в маленькой комнате, где жили пять человек. Я задвинула коробку под кровать и забыла о ней – было не до желудей: умерла бабушка, пришло с фронта известие о смерти отца. Нас осталось четверо: мама, старшая сестра Лидия, младшая сестра Галина и я.

В январе 1942 года, когда в течение трех дней населению не выдавали даже жалких 125 граммов хлеба (суточная норма на одного человека), а в доме из «продуктов» были только уксус и соль, я вспомнила о коробке с желудями и решила заняться поделками, чтобы как-то отвлечься от мучительного чувства голода. Я очень обрадовалась находке, но еще больше обрадовалась мама, которая увидела в ней средство спасения жизни семьи. Она толкла в ступе подсушенные зерна и варила «кофе», добавляя в горькую массу немного уксуса, а вместо сахара – соль.

В конце августа 1942 года исполком Выборгского района настоя-

тельно рекомендовал маме вывезти детей из города, хотя бы на три месяца, чтобы поддержать здоровье семьи погибшего офицера. Мы знали о том, что уже было распоряжение городского правительства о сносе всех деревянных жилых домов на «Удельной» (правительство решило таким образом заготовить топливо для предстоящей зимы). Нам обещали сохранить все вещи до нашего возвращения.

Я помню, как, замирая от страха, мы плыли на катере через Ладогу, которую фашисты обстреливали, не щадя никого. Когда, наконец, мы добрались до Большой земли, нас посадили в товарные вагоны и повезли на восток. Дорога была долгой, она растянулась почти на месяц.

Каждый день эшелон терял несколько человек (люди умирали от болезни, которая называлась «быстрое утолнение голода» или «заворот кишок»). Нас довели до города Барабинска – узловая станция под Новосибирском. Там нас ждали «подводы», запряженные быками, которые медленно по знаменитым Барабинским степям увозили нас от цивилизации. Спустя 10 часов они дотащили нас до поселка, где жили семьи репатриированных из Западной Украины; это были семьи бандеровцев. Они встретили нас недружелюбно и называли нас уничижительным словом «выкавыренные», сознательно искажая тот смысл, который выражало слово «эвакуированные».

Жить в таких условиях было невыносимо трудно. Мама неоднократно писала правительству Выборгского района с просьбой разрешить нам вернуться домой, но каждый раз получала отказ со ссылкой на распоряжение правительства города о запрете возвращения эвакуированных до особого распоряжения. Так прошли два года наших мытарств, и в конце осени 1944 года, благодаря хлопотам моего дяди, вернувшегося с фронта после тяжелого ранения, мы, наконец, голодные и холодные, вернулись в родной город, где у нас не было ни дома, ни вещей – все унесла война.

Прошло много лет. Мы старались не возвращаться к прошлому, да и это было невозможно даже в памяти. Однажды мама и я решили посетить то место, где прошли два страшных года Отечественной

войны. На месте старой деревянной постройки уже стоял пятиэтажный кирпичный жилой дом, и ничто не напоминало о войне.

Возле дома мы увидели дуб, окруженный молодыми деревьями. Он стоял, раскинув свои могучие ветви, словно крылья гигантской птицы. Я узнала в нем нашего спасителя – единственного свидетеля тех трагических блокадных лет.

БЕЗЫМЯННАЯ МОГИЛА*

Моя двоюродная сестра, Александра Ивановна Митрофанова, родилась и прожила много лет в деревне Бородино Невельского района Псковской области. По наследству от родителей ей достался добротный просторный дом на берегу озера и большой фруктовый сад.

Александра Ивановна и ее муж до войны работали в колхозе и воспитывали двоих дочерей. Когда началась война, их старшей дочери было шесть лет, а младшей четыре года. Муж ушел на фронт и погиб в конце октября в Белоруссии («пропал без вести»). Деревня Бородино была оккупирована немцами, которые не щадили никого: отбирали у населения продукты питания, угоняли скот, оставляя детей без пищи.

В конце ноября фашисты собрали всех жителей деревни и огласили список фамилий тех, кому надлежало отправиться на работу в Германию. В список попали женщины и их дети; моя сестра не была исключением. В деревне оставались только старые, пожилые и инвалиды.

Спустя несколько дней всех названных женщин с детьми отправили в далекую, неизвестную им страну, в которой процветал фашизм – страшное явление в человеческом обществе, – уничтоживший миллионы невинных людей за сравнительно короткий промежуток времени.

В 1945 году советские войска освободили односельчан от рабского труда и помогли им вернуться домой, в свою родную деревню, сильно изменившуюся за время их пребывания в Германии.

* Статья по рассказу моей сестры Александры Ивановны Митрофановой.

До войны деревня Бородино представляла собой небольшой поселок, расположенный на берегу озера Еван, протянувшегося на десятки километров, с красивыми домами и садами. По обоим берегам озера простирались поля, пашни и сосновые леса, в которых я с моей мамой собирала грибы, когда мы навещали Александру Ивановну в послевоенное время.

Совсем другая картина предстала перед теми, кто вернулся в деревню в конце войны: часть домов была сожжена; на их месте торчали только трубы – свидетельство злодеяний фашистов. Многие дома стояли пустыми и грустно смотрели своими покосившимися окнами на вернувшихся соседей, как бы сообщая им о том, что их хозяева не смогли выдержать фашистской оккупации. Женщинам и подросткам, вернувшимся из Германии, пришлось восстанавливать колхоз в непростых условиях и начинать жизнь сначала.

Александра Ивановна после окончания войны продолжала жить и работать в деревне, воспитывать своих дочерей, которые, окончив школу, уехали в Ленинград, вышли замуж, обзавелись семьями и приезжали в деревню лишь летом на отдых. Александра Ивановна никак не могла расстаться с родным селом, но после того как она однажды, простудившись, долго и тяжело болела, ей пришлось уступить просьбам и требованиям своих дочерей и перебраться в Ленинград, однако каждое лето она жила в деревне, в родном доме.

Живя в Ленинграде, Александра Ивановна иногда навещала нас и рассказывала о своей тяжелой жизни на чужбине, в Германии.

К большому сожалению, я редко слушала ее рассказы – моя работа почти не оставляла мне свободного времени, но однажды я все же услышала один рассказ, который произвел на меня глубокое впечатление, и я в деталях запомнила его на всю жизнь. Это был случай, который произошел во время войны, когда Александра Ивановна была угнана в Германию, но старожилы, в частности, Степан Андреевич Копытов, рассказали ей все в подробностях. Вот эта история.

Наступила зима 1942 года. Несмотря на сильные морозы, на

Раиса Михайловна Сидякина (Арбинская) – старший преподаватель Ленинградского политехнического института. Фото 1968 г.

фронтах шли ожесточенные бои с захватчиками. В воздухе ежедневно появлялись немецкие бомбардировщики, которые несли под своими крыльями смерть и разрушения Ленинграду, зажатому в кольце блокады. Немало доставалось и близлежащим городам и поселкам. За «мессерами» всегда следовали «юнкеры», и то здесь, то там мгновенно вспыхивали воздушные бои. В одном из таких боев фашистами был сбит наш летчик-истребитель недалеко от деревни Бородино.

Самолет, кувыркаясь, летел вниз, его хвост был объят пламенем. Через несколько секунд от самолета отделился летчик с парашютом, и те из жителей, кто наблюдал за боем, облегченно вздохнули. Горящий самолет упал на ледяное озеро и, пробив лед, ушел под воду. Летчик перелетел через озеро и приземлился в лесу. Будучи раненым, он не смог добраться до деревни и ждал помощи от жителей, не зная о том, что в деревне уже хозяйничали фашисты. К тому же почти все население деревни было угнано в Германию, и помочь ему было практически некому.

Рано утром следующего дня группа вооруженных фашистов с собаками начали поиск летчика.

Услышав лай собак, летчик решил, что к нему на помощь спешат жители деревни, но когда в гулком

сосновом лесу послышалась немецкая речь, он все понял и принял для себя единственное решение.

Внезапно в лесу послышался выстрел, и фашисты бросились в сторону выстрела. Когда собаки подвели их к летчику, он был уже мертв.

Тело летчика лежало в лесу несколько дней – фашисты запретили жителям хоронить его, но, когда прошел слух о том, что фашисты собираются покинуть деревню, среди жителей нашлись смельчаки, добровольцы, которые, подготовив заранее место на деревенском кладбище, отправились ночью в лес. Руководил этой рискованной операцией старожил деревни инвалид с детства Степан Андреевич Копытов. А помогали ему два старика. Искать летчика не пришлось слишком долго; он лежал у опушки леса, за которой была видна деревня.

Летчик лежал на спине на еловых ветках; глаза его были широко раскрыты и взгляд устремлен в небо. На нем была кожаная куртка, местами сильно обгоревшая, на голове был шлем, одна нога была перевязана.

Вокруг были разбросаны обгорелые ветки деревьев, – летчик, вероятно, сжигал их на костре, однако оружия рядом с ним не оказалось.

Уложив летчика на сани, трое мужчин направились к кладбищу.

Прежде чем предать тело земле, Степан Андреевич осмотрел карманы куртки и комбинезона летчика в надежде найти хоть какой-нибудь документ с его фамилией, но все попытки были напрасны. Нашелся только обрывок письма, написанного женским почерком, вероятно, принадлежавшим сестре летчика, потому что в обращении она писала «дорогой братишка». Из того, что удалось разобрать в обгорелом письме, можно было догадаться о том, что летчик жил в Сибири и был холост.

Завернув тело летчика в брезент и опустив его на ветки березы, лежавшие на дне могилы, односельчане быстро закопали могилу, бросив в нее, по христианскому обычаю, по горсти земли.

Спустя несколько дней, когда немцы действительно покинули деревню, Степан Андреевич поставил на могиле деревянный крест – так образовалась безымянная могила, которая просуществовала в деревне

Бородино двадцать восемь лет, то есть до 1970 года.

Я долго находилась под впечатлением от рассказа моей сестры о трагической судьбе неизвестного летчика, который предпочел смерть, но не сдался врагу.

Мне хотелось, чтобы эта история стала достоянием многих людей, не только жителей деревни Бородино, и чтобы летчик был похоронен достойно, то есть так, как на Руси принято хоронить воинов-героев.

После некоторых раздумий я написала письмо в исполком Невельского районного совета депутатов трудящихся, в котором подробно изложила все, о чем поведала моя сестра, Александра Ивановна Митрофанова.

Письмо было отослано 27 мая 1970 года, а через несколько дней я получила ответ.

В письме сообщалось о том, что военный комиссар и председатель Изочинского сельсовета выезжали в деревню Бородино 3 июня 1970 года и проводили там беседы со старожилками – очевидцами этого случая, которые подтвердили все факты, изложенные в моем письме. Моя сестра тоже была там и помогала организовать встречи с очевидцами.

Степан Андреевич лично показал могилу летчика. На следующий день, то есть 4 июня 1970 года, останки летчика были перевезены в Изочу – большой поселок и железнодорожную станцию и перезахоронены в братскую могилу со всеми воинскими почестями.

Многие жители деревни вышли из своих домов, чтобы проводить неизвестного летчика, возложив к его гробу полевые цветы.

Так, благодаря рассказу моей сестры (которой, к сожалению, уже давно нет с нами), на российской земле, где в безымянных могилах еще до сих пор покоятся останки многих тысяч солдат Отечественной войны, одной безымянной могилой стало меньше.

Имя летчика осталось неизвестным, но его героический подвиг будет служить примером мужества и беззаветной любви к Родине для многих поколений россиян и надеждой для тех, чьи сыновья, отцы, мужья и братья еще остаются в списках «пропавших без вести» и могилы их неизвестны.

Письмо в редакцию

Главному редактору журнала «История Петербурга»
д.и.н. С. Н. Полтораку

В журнале № 1 (65) 2012 в статье В. В. Антонова «Великокняжеский дворец на берегу Невы» приведены интересные сведения об истории создания дворца и его судьбе, о его владельцах и реализованных ими решениях по перестройке, реконструкции и содержанию здания и дворцовых помещений.

К сожалению, в конце статьи автором допущена неточность: «Новая власть национализировала дворец и передала детскому дому, что отрицательно сказалось на интерьерах. Значительная часть убранства, включая живопись, была распродана. С 1930-х до конца 1980-х годов здание принадлежало “закрытому” проектному институту “Союзпроектверфь”, который работал на военно-морской флот. *За то время были уничтожены все интерьеры, кроме...*»

Таким образом, автор искусственно объединил действия двух организаций по уничтожению интерьеров, тем самым обвинив в этом и институт «Союзпроектверфь». Это не соответствует действительности.

Расположившись во дворце и осознавая уникальность объекта, несмотря на отсутствие формального акта о том, что здание находится под охраной государства, руководство института прилагало немалые усилия по сохранению интерьеров дворца и предотвращало действия, которые могли привести к порче или нанесению какого-либо вреда объекту.

Учитывая изложенное, полагаем уместным информирование читателей журнала о допущенной неточности.

С уважением,

ныне работающие в проектной фирме «Союзпроектверфь»

ОАО ЦТСС (наследнице ГСПИ «Союзпроектверфь»)

ветераны института (стаж работы от 40 до 50 лет),

лауреаты премии Совета министров СССР:

заслуженный строитель РФ, к.т.н. Ю. М. Гуткин;

главный специалист Ю. В. Демешкан;

почетный энергетик Ю. М. Качалов;

почетный машиностроитель В. А. Коренько;

заслуженный энергетик РФ, к.т.н. С. П. Наседкин;

почетный строитель России Б. И. Бронфман;

почетный строитель России В. М. Князев;

почетный строитель России Л. А. Межеричер.